

ПАМЯТЬ

Девятого сентября было сорок дней, как умер Святослав Рихтер. В "преддверии" Президент РФ Б.Ельцин издал указ об увековечении памяти великого музыканта, которым предписал Правительству РФ учредить стипендии имени Рихтера для студентов Московской консерватории, рассмотреть вопрос о присвоении его имени одному из музыкальных фестивалей, а также об открытии постоянно действующей экспозиции, посвященной его жизни и творчеству, в одном из российских музеев. А правительству Москвы было рекомендовано присвоить имя Святослава Рихтера одному из московских музыкальных учебных заведений. Девятого сентября в Зале Чайковского состоялся концерт — "Музыкальное приношение памяти Святослава Рихтера", — в котором приняли участие видные российские музыканты. Накануне Международный союз музыкальных деятелей выступил с обращением: "Для придания Музыкальному приношению всемирного масштаба приглашаем всех музыкантов Планеты, кому дорог гений Святослава Рихтера, посвятить свои концертные выступления 9 сентября 1997 года памяти великого артиста". Все это, конечно, нам нужно — чтобы мы помнили. Хотя забыть Рихтера — все равно, что забыть, что когда-то сочинял музыку Чайковский или писал картины Репин. Развернуть бурную деятельность по увековечению — не главное. Уход Рихтера — повод задуматься о вещах несуетных и вечных. О смысле бытия, о великом предназначении художника, о том, что искусство на самом деле долговечнее короткой человеческой жизни и служить ему можно и должно без лишней суеты и шума. Сорок дней... А ведь кто-то прожил их, действительно ощущая, что живет без Рихтера.

НИНА ДОРЛИАК:

Рояль повсюду следовал за ним

Несчастье случилось 2 июля 95-го года в Париже. Святослав Теофилович упал и повредил колено. Потребовалась операция. Она прошла успешно, и он довольно скоро встал на ноги. Но все же о многочасовых занятиях нечего было и думать. На сентябрь и октябрь у него были запланированы гастроли в Японии, Святослав Теофилович решил отказаться. Конечно, не надо было ехать. Но импресарио уговаривал, упрашивал, настаивал... И, как я ни протестовала, мы все-таки полетели в Токио.

Поначалу все было прекрасно. Святослав Теофилович немного окреп и наконец приступил к занятиям, что очень его воодушевило. Я тоже радовалась: когда он начинал заниматься, рояль не только не отбирал, но, напротив, возвращал ему силы. И вдруг — новая беда. Приходивший к нему массажист заразил его гриппом. Болезнь, и без того тяжело протекавшая, дала осложнение на сердце. Концерты, разумеется, пришлось отменить. В результате, прожив в Японии только месяц, мы улетели в Бонн.

Из аэропорта отправились прямо в больницу, где нас уже ожидал наш давний знакомый, профессор-кардио-

лог. Хотя я ему и не поверила, все же его слова ошеломили меня. Осмотрев Святослава Теофиловича, он сказал, что не надеется на его выздоровление.

От кого-то из наших друзей о "приговоре", вынесенном Рихтеру, узнал Курт Мазур и организовал наш переезд в другую больницу, в местечко близ Франкфурта — к своему врачу. И тот действительно помог. У нас появилась надежда — состояние Святослава Теофиловича заметно улучшилось, хотя его очень беспокоило, что он по-прежнему не мог заниматься...

Зиму мы провели на Антибах, впрочем, какая там зима, круглый год — лето. Наш знакомый предоставил в наше распоряжение свою квартиру, и мы жили очень комфортно. Наслаждались великолепной природой, много

Фото из семейного архива

гуляли. Проблема была одна, все та же — нельзя было заниматься. Весной перебрались в Прованс, в гостиницу при монастыре, в пользу которого Святослав Теофилович когда-то давал концерт. Тишина, уединение сделали свое дело — мы понемногу успокоились. И в конце концов стали подумывать об отъезде в Париж.

Здоровье, казалось, постепенно возвращалось к нему. В Париже он почувствовал в себе силы возобновить занятия. В июне этого года нас неожиданно навестил Ростропович и со свойственной ему горячностью "обрушился" на Святослава Теофиловича: "Хватит болеть, столько времени не играешь. Давай поправляйся, и мы с тобой сыграем". Трудно было выдержать такой напор. "Давай сыграем, — согласился Святослав Теофилович, — и знаешь что — давай первый концерт дадим в память Олега Кагана в Крой-те". (Фестиваль памяти Олега Кагана,

ежегодно проходящий в Германии, должен был начаться 1 июля). Ростропович, конечно, не возражал и отбыл, сказав, что будет ждать дальнейших известий. Вскоре я отправила ему факсом письмо, в котором сообщила, что к 1 июля Святослав Теофилович готов не будет — только к концу августа.

Пятого июля мы приехали в Москву. Святослав Теофилович мечтал о возобновлении концертной деятельности, строил планы. Наташе Гутман сказал, что через год будет в форме и тогда уж обязательно примет участие в фестивале, посвященном памяти ее мужа.

Очень рад был вернуться в нашу московскую квартиру, которую не видел более трех лет. Однако почти сразу же пожелал перебраться на дачу, на Николину гору. Мы прожили там почти до конца месяца. В ночь на 30-е была страшная гроза. У Святослава Теофиловича начались сильные боли в сердце, в семь утра он позвал меня к себе...

Его поместили в Центральную клиническую больницу. С моей точки зрения, это было ошибкой. Святослав Теофилович не признавал этой так называемой привилегированной больницы. Там у него стало падать давление. Все меры были приняты, но оно не поднялось. Его увезли в реанимацию, но он так и не пришел в себя.

ЭЛИСО ВИРСАЛАДЗЕ:

Явилось слово "гений"

Святослав Рихтер — это явление природы, одна из тех ее тайн, в которые никогда не проникнуть до конца. Чем объяснялась необыкновенная сила воздействия его искусства? Не хватит жизни, чтобы приблизиться к пониманию.

В детстве я преклонялась перед ним неосознанно. Как и у всех окружающих, он вызывал у меня восторг и удивление, но ничем, кроме гипноза, я не могла объяснить свои чувства. Окрепший разум попытался назвать причины. Стала отчетливо видна дистанция, с годами все увеличивавшаяся, которая отделяла его, уже при жизни ставшего бессмертным, от нас, смертных. Явилось слово "гений". Но чем больше становилась дистанция между ним и нами, тем меньше становилась дистанция между публикой и исполняемой им музыкой.

...На его концертах неизменно были аншлаги. Разумеется, иные посещали их просто для того, чтобы сказать потом: "Я был на концерте Рихтера", иные — из любопытства, чтобы в очию увидеть артиста, о котором так много говорят. Но и те, и другие составляли незначительный процент, основной его публикой были неистовые поклонники, без сомнения, в большинстве своем не пропустившие ни одного концерта своего кумира. Впрочем, нет, не кумира — своего Бога. Но где бы ни проходили концерты Рихтера, какая бы ни была публика в зале, реакция всегда была одинаковой. Всех равно потрясало чудотворство художника, для которого, казалось, не существовало ничего недостижимого. Это ведь тоже из категории таинств: заставить слушать себя порой совсем неискушенную публику, захватить ее внимание, заразить своей неистовой страстью к искусству.

Ему всегда были свойственны требовательность — строже не бывает, пре-

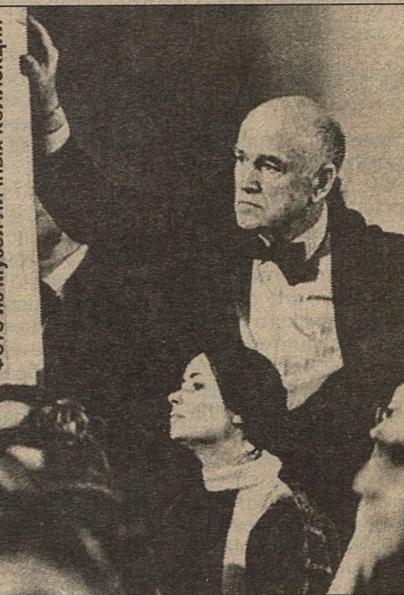

Фото из Музея личных коллекций

дельная пунктуальность в осуществлении собственных замыслов, постоянный самоконтроль. И он почти никогда не был удовлетворен тем, как прозвучало то или иное сочинение. Нередко после концерта садился дома за рояль и часами, один на один с инструментом, добивался нужного звучания. Мне видится в этом обостренная художническая честность.

Профессии своей он был предан безраздельно. Что вовсе не заслоняло от него окружающей жизни. Политика никогда его не интересовала, а вот люди и искусство интересовали очень. Он постоянно учился, постоянно испытывал потребность узнать что-то новое. А "узнать" для него означало тщательно изучать, докопаться до самых глубин.

Зияющую пустоту, образовавшуюся с его уходом, уже не заполнить. Ушел Незаменимый. Добрый гений, безмерно любивший жизнь и людей. Меньше всего — себя.

Куда бы мы ни переезжали, фирма "Ямаха" всюду посылала за нами рояль. Святослав Теофилович очень страдал из-за того, что не занимался. Мне казалось, он как будто ощущал молчаливый укор своего инструмента. Последний концерт Рихтера состоялся в Париже в зале "Плейель". Это было 4 апреля 1995 года.

ГАЛИНА ПИСАРЕНКО:

Он выполнил свой долг сполна

Долгие годы я была ученицей Нины Львовны Дорлиак: сначала в училище, потом в консерватории. Она ввела меня в свой добрый, гостеприимный дом, так я познакомилась и со Святославом Теофиловичем тоже. Общение с ними стало одним из самых драгоценных подарков, преподнесенных мне судьбой. И я была страстной поклонницей их концертного дуэта — не пропускала ни одного их совместного выступления.

А когда поступила в театр, они стали ходить на мои спектакли. Святослав Теофилович частенько "выдавал" мне устные рецензии, иногда разгромные (если ему не нравилась музыка, которую я исполняла, очень бывал строг), а иногда, напротив, чересчур снисходительные.

Меня изумляла его способность мгновенно "настраиваться" на волну искусства. Любой поворот в самом обыденном разговоре, любое мимолетное впечатление могли вызвать у него совершенно неожиданные и в то же время очень точные, абсолютно убеждавшие вас ассоциации. Помню, гуляли как-то с ним и Ниной Львовной за городом. Говорили о чем-то незначительном, больше дышали свежим осенним воздухом. И вдруг восхищенный голос Святослава Теофиловича: "Смотрите, какое небо! Прямо-таки декорация к "Воцке", только лес надо еще добавить кругом".

Он очень любил театр. Когда Борис Александрович Покровский ставил в Музее имени Пушкина "Поворот винта" Бриттена, Святослав Теофилович принимал самое непосредственное участие в постановке. Было видно, что театральная стихия захватила его. Он придумывал мизансцены, готов был играть за каждого актера и действительно играл, показывая нам, что и как нужно делать. Как-то на одной из репетиций настал момент появиться Призраку, а Призрак, как назло, "улетучился", так Святослав Теофилович сам побежал за кулисы и прижался лицом к стеклу с таким ужасным выражением, что у нас просто кровь в жилах застыла.

Я работала с ним не только над Бриттеном. К моему огромному удивлению (о других эмоциях не говорю — они

очевидны), Святослав Теофилович предложил мне сделать ряд совместных концертных программ. Шимановский, Метнер, Григ... Когда зашла речь о Григе, я предложила Святославу Теофиловичу сборник избранных романсов. "Нет, нет, — тут же запротестовал он, — доставайте полного Грига. Пусть будут не только популярные романсы, не только Григ красивый и лиричный, но и Григ суровый, Григ фьордов и скал". Эту программу мы исполнили летом 93-го года на фестивале в Тарусе. Святослав Теофилович был полон сил, душа его цвела, и публике, как всегда, взволновало и потрясло его искусство. А он, как всегда, все восторги адресовал композитору. Если аплодисменты не смолкали особенно долго, он обычно брал в руки клавиш и поднимал его высоко вверх, как бы говоря: все — автор!

93-й год... Казалось бы, совсем недавно. Тогда он еще работал без устали. По девять часов в сутки — такую норму он установил для себя. Если получалось меньше, записывал недоработанные часы в "книгу долга". "У меня триста часов долга. Четыреста. Пятьсот с лишним", — говорил он. Гений-"касторжник", он считал себя не вправе "недорабатывать", не отдавать эти долги, и они ужасно мучили его. Невыносимо больно говорить теперь: он выполнил свой долг сполна.

Подготовила
Мариам ИГНАТЬЕВАС.Рихтер. "Павишино".
(Из музея личных собраний)